

Укротитель Бартабас

Известия - 2001 - 23 апр. - с. 10
Конный спорт в рамках Олимпиады

Актеров этой труппы зовут Лифарь, Нижинский, Баланчин. Режиссер их чтит и не утомляет репетициями. За семнадцать лет в театре было поставлено только семь спектаклей. Называется этот театр «Зингаро» — в честь его лучшего актера, проработавшего в труппе пятнадцать лет. Это единственный в мире театр, в котором играют лошади.

Элина ИЗМАЙЛОВА

Клеман Марти, вырос в богатой французской семье, но его настоящая жизнь началась, когда он ушел из дома, взял себе имя Бартабас (Цыган) и начал работать с лошадьми. Говорят, он пришел в Авиньон во время фестиваля и ходил по улицам в компании лошади и крысы, разыгрывая с ними странные спектакли. Организаторы предложили Бартабасу поставить спектакль специально для фестиваля, и это стало началом жизни его театра-кентавра.

В «Зингаро» работают люди и лошади. Их взаимоотношения и составляют сюжет спектаклей. Бартабас предпочитает не придумывать историй. Он говорит, что «Зингаро» — это состояние души. Хотя вообще говорит мало. Журналисты сетуют, что из него слова не вытянешь. Но на самом деле Бартабас давно перешел на другой

уровень общения, человеческая речь для него — пройденный этап. «Общаясь с лошадью, ты общаешься с тем, что находится внутри тебя, — говорит он. — Лошадь — это инструмент, чутко отвечающий на твоё приглашение к диалогу, на твою попытку творчества».

И лошадей, и наездников для своего театра он отбирает одинаково — доверяясь своей интуиции. «Я с первого взгляда понимаю, буду я работать с этой лошадью или этим человеком». Люди и лошади живут одним табором. Большую часть времени «Зингаро» кочует, и его группа ютится в палатках, напоминающих цыганский лагерь. Тут уже не до счета в банке и прочих буржуазных ценностей. Заразиви безумием своих артистов, Бартабас сумел создать нечто среднее между бродячим цирком и хиппарской коммуной. Его театр не искусство, а образ жизни.

Бартабас ставил спектакли по мотивам индийского, персидско-

го, цыганского фольклора. Иногда он поражал публику экзотическими костюмами, всегда пленял ценителей изысканностью саундтрека. Самым поэтическим его спектаклем считается «Затмение», посвященное памяти его любимой лошади Зингаро. Когда на занавесе, подсвеченном из-за кулис, появлялся силуэт скакуна, зрители смахивали слезу. Сейчас он привозит в Москву «Триптих» — спектакль, поставленный по «Весне священной» Игоря Стравинского.

Но что бы ни ставил Бартабас, в его спектаклях разыгрывается одна и та же история. «Только когда лошадь достаточно освоила езду на месте, можно приступить к обучению движению назад. Для этого всадник должен, уловив ее движение, слегка подать седло назад и осторожно, работая свободными поводьями, переместить центр тяжести лошади на задние ноги...» Вот так возникает магия «Зингаро». Как ни странно, она внятна не только завсегдастям ипподромов. В Интернете есть восторженное письмо американской профессорши, попавшей на представление «Зингаро». Последняя фраза трогает больше всего: «А какой там прекрасный запах!»